

Григорий Померанц

Ответы на вопросы

1. Ницше проводил различие между философами и профессорами философии. Мой друг Михаил Блюменкранц подхватил это различие и называл философами только тех, кто жил в соответствии со своим учением, например, Диоген жил в бочке. Профессора философии живут как все, и своим примером никого не убеждают. Я встретил считанное число людей, убеждавших своим обликом. Одним из них был Бахтин. Он охотно обсуждал мысли о Достоевском, расхваливая его книгу, но ответил молчанием на показанный ему полемический этюд о русской истории. Я вдумался в его молчание и истолковал его так, что Бахтин готов на любой диалог, но резкую полемику отвергал в корне. В конце концов, это привело меня к мысли, что стиль полемики важнее предмета полемики.

2. В советское время заметной фигурой был Лукач, но он не совсем наш. Вокруг него выросло «течение Лукача – Лифшица». Самыми заметными в этом течении были Л.Е.Пинский и рано умерший В.Р.Гриб. Опубликованные философские заметки Пинского интересны как начало его прощания с марксизмом.

3. Культурологию в одних странах признают, в других (в Англии, например) не признают. Культурология не может быть точно определена, но в эту рубрику хочется поставить теорию цивилизации (Шпенглера, Тойнби), «Протестантскую этику» Макса Вебера и многое другое, не укладывающееся в старые рубрики. С попытками бывших преподавателей марксизма-ленинизма стать культурологами ничего общего с культурологией нет.

4. Георгий Гачев – замечательно интересный собеседник, с которым я не раз беседовал, но его литературное наследие – скорее материал для обобщающей мысли, чем ее итог.

5. Меня утомляет всякая поверхностная болтовня, в том числе поверхностная трактовка личности. В подлинной личности непременно есть

тихая глубина, и я долгие годы учился отличать ее от поверхностных бурь. Одна из метафор, помогавших мне, – сравнение личности с заливом, устье которого граничит с неизмеримым океаном, с царствием, которое внутри нас, с мысленной обителью Бога после того, как астрономы разрушили небо. В рамках этой метафоры последняя глубина – это устье, за которым уже начинается большое Я, вселенское Я. Если устье засорено болтовней, залив превращается в пруд, а там – и в болото.

6. Я спорил с Солженицыным, когда у него было подавляющее превосходство в прессе и он использовал это превосходство без всяких ограничений. После смерти его – хочется вспоминать лучшее: первые рассказы, «Архипелаг». А мои критические замечания о публицистике перекрыл Шмеман, и я просто ссылаюсь на его книгу «Дневники», стр. 183 и последующие.

7. Всякая цивилизация, по-моему, строится вокруг духовного стержня: христианская цивилизация, цивилизация ислама, индуистско-буддийский Восток и конфуцианско-буддийский Дальний Восток. А цивилизация потребления – попытка обойтись без духовного стержня. Ничего путного из этого не вышло и не может выйти.

8. Политкорректность – один из симптомов усталости Запада, поведение ангела церкви Лаодикийской, который не холоден и не горяч (а потому будет извергнут из вечных уст).

9. «Нравственный облик исторической личности» – проект речи, придуманной для выступления в Институте философии. Целью конференции был ответ на письмо трех академиков, что «в интересах истины» надо признать заслуги Сталина. Письменный ответ не был принят к печати, и конференция была попыткой легальной критики линии, утвержденной ЦК. Отсюда выбор средств. Я начал со стихов Коржавина, где слово «прогрессивен» рифмовалось со словом «противен», и развил эту мысль, противопоставляя двух древних государей: «прогрессивного» изверга Цинь Шихуанди и «реакционного» Ашоки, пытавшегося посылать за границы

империи, вместо войск, буддийских проповедников. Завладев аудиторией рядом очевидных намеков, я вдруг назвал имя Сталина, взятого под защиту ЦК. И тут же перешел на казенный марксистский язык, критикуя Сталина отелными фразами Ленина. Это давало либеральным коммунистам возможность взять меня под защиту, и Ю.А.Левада этой возможностью воспользовался. Председатель КГБ Семичастный дважды звонил в Президиум Академии Наук, требуя признать мою речь антисоветской, а Левада (в то время парторг Института философии) отвечал, что речь выдержана в духе решений XX и XXII съездов. В конце концов, Твардовский (в то время член ЦК) принял текст речи (с мелкими поправками, предложенными Левадой) в «Новый мир» и она получила таким образом советский статус. Семичастный вынужден был отступить. Это многим казалось чудом.

Выступление широко распространилось по Советскому Союзу и подтолкнуло рост демократических настроений. Но я рассчитывал на большее. Я рассчитывал на цепной процесс, наподобие банкетной кампании во Франции 1847 г. К сожалению, мой пример вдохновил только одного человека, М.И.Ромма. Он тоже выступил с антисталинской речью. Больше того, он пригласил меня к себе, мы провели замечательный вечер и договорились действовать вместе. Однако очень скоро Ромм умер. Остальным восторженным слушателям не хватило либо кафедры, на которую можно подняться, либо смелости, либо ораторского дара. Действительность сталинских лет отнюдь не была школой красноречия.

10. Греческая философия была подготовлена греческой мифологией. Русская философия выросла из романов Достоевского и Толстого. Она комментирует реплики героев Достоевского («Мир красота спасет», «Широк, слишком широк человек, я бы сузил»), она спорит с прямолинейной мыслью Толстого. Вывезенные на философском пароходе, русские мыслители в Европе оказались экзистенциалистами. Вместе с ними философом был признан Достоевский. Его «Подполье» вошло в сборник Кауфмана:

«Экзистенциализм от Достоевского до Сартра». Границы между отдельными областями творчества никогда не могут быть точно установлены, каждая эпоха ставит пограничные столбы по-своему. На моих глазах эти перестановки произошли дважды.

11. Как лучше назвать катастрофу, грозящую человечеству, я не знаю.

12. Из академических институтов я знаком главным образом с ФБОН (впоследствии ИНИОН). По моему опыту, работа библиографа позволила выйти из европоцентризма и познакомиться с цивилизациями Ислама (в особенности с суфизмом), цивилизацией Индии и Дальним Востоком. На этой основе я пытался внести поправки в общую теорию цивилизаций.

13. Философия может быть и шершавой (вызывающе парадоксальной), и прилизанной.

14. Из моих книг больше всего об интеллигенции можно найти в «Выходе из транса». Но никаких окончательных оценок интеллигенции у меня нет. Все зависит от времени и места. В переломные эпохи интеллектуалы становятся интеллигентами; когда взбаламученное море успокаивается – интеллигенты становятся интеллектуалами, профессионалами умственного труда. Интеллигент, захваченный идеологическими проблемами, и интеллектуал-специалист – две крайние точки, между которыми жизнь постоянно колеблется. В 1900 г. интеллигенты были особенностью России. Примерно в 1950-м, после Освенцима, часть западных интеллектуалов стали интеллигентами, а часть русских, не попавших в лагерь, сохранялись как интеллектуалы, как специалисты, без которых нельзя было соорудить атомную бомбу. Сахаров был таким специалистом, а потом на наших глазах превратился в интеллигента.

15. Если не говорить о домах терпимости, о ксенофобии и т.п., то есть религиозная терпимость, основанная на равнодушии к религии, и есть восточная, основанная на приоритете невыразимого в религиозном чувстве и готовности принять любой условный символ. Пример можно найти уже в ведах. «Одну и ту же птицу мудрецы называют разными именами»... В

Индии не было нетерпимости к чужим религиозным символам. Не было религиозных войн, но была нетерпимость к нарушению кастовых правил. В Китае религиозная нетерпимость возникла один раз, при первом императоре династии Мин; других случаев не знаю. Там, где религию основывали пророки, уверенные, что их устами говорит Бог, неизбежно возникала нетерпимость к чужому слову. Все монотеистические религии нетерпимы. Когда приоритет религии был подорван, возникла идеологическая нетерпимость. Ее сменила политкорректность.

16. Как долголетний читатель *Journal of the history of religions* и *Philosophy of East and West*, а также обширной литературы, посвященной буддизму дзэн, я думаю, что все мистики исходят из одной глубины, но как только дело доходит до слов, возникает различие языков. Существование переводов доказывает, что это различие не непреодолимо.

17. Мне не понравился постмодернизм, и я затрудняюсь сказать, кто из постмодернистов интереснее других.

18. Вопрос об изолгавшемся гуманизме может быть заменен любым другим: об изолгавшемся патриотизме, об изолгавшемся богословии и т.п. Представьте себе целостность истины как круг и любую идею, любое учение как касательную к кругу. Идея истинна, пока она не очень далеко отошла от окружности, уходя в дурную бесконечность, она вырождается. Но иногда можно вернуться к кругу Целого. Например, гуманизм Антония Сурожского возвращается от застывших догм к живому личному опыту христианства, и невозможно хулить гуманизм Януша Корчака.

19. По-моему, глобализм не противоречит мультикультурализму. Глобальный диалог культурных миров может быть выстроен по образцу диалога европейских наций. Со стороны Европа кажется одной культурой. Индийский автор пишет: «западные романисты Бальзак, Диккенс и Достоевский». Я запомнил эту фразу. Если Индию, при всем ее многообразии, мы мыслим единой культурой, то почему нельзя так мыслить христианский мир? И почему диалог между Далай Ламой XIV и

бенедиктинцами, достигнутый в Лондоне в 1994 г. , не может быть расширен на весь глобус? Прочтите книгу «The good nearth», т.е. труды конференции, изданные в Лондоне в 1997 г., и вы увидите, что буддизм и христианство могут найти свой общий знаменатель, – хотя это никак не удастся культурам, родственным по своему языку. Единству мешают страсти. Если страсти утихнут, то сквозь зеркало вод станет просвечивать общая почва.

20. Мой учитель, Леонид Ефимович Пинский, был страстный спорщик, но как-то бросил лозунг: нетерпимость только к нетерпимости! Но это хорошо в споре принципов. Но как быть с пошлостью, с хамством? Если налицо диалог, то этим уже задан уровень культуры, внутренне запрещено нежелание прислушиваться в духу диалога. За нежеланием стоит неумение, неразвитость интуиции духовной цельности, чувства единства сквозь все различия, чувства чужой раны как своей собственной.